

Лев Толстой

Ответ польской женщине

Журнал "Толстовский Листок - Запрещенный Толстой", Выпуск пятый
Издательства "Пресс-Соло" и "Академия", Москва, 1994.

OCR: Владимир Гурин
(Одной из многих)

Милостивая государыня!

Получил письмо ваше, в которой вы упрекаете меня за то, что я, выразив свое мнение о присоединении Боснии и Герцеговины, ничего не высказываю о тех жестокостях и несправедливостях, которые были совершены и продолжают совершаться над Польшей, и между прочим осуждаете меня и за *изобретенную будто бы мною мысль и философию непротивления злу*, говоря, что это учение погубило и погубит Россию. Вы пишете, что Скарга, Кохановский, Костюшко, Словацкий, Мицкевич учили другому, учили борьбе, и что борьба может спасти Польшу.

На днях я получил письмо от одного Индуса, который другими словами выражает ту же мысль и тот же страх и отвращение перед учением о непротивлении. Индус этот прислал мне вместе с письмом и журнал "The Free Hindustan", в котором эпиграфом стоит изречение о том, что борьба насилем с насилем не только допустима, но обязательна, непротивление же противно требованиям как альтруизма, так и эгоизма: "Non resistance hurts both altruism and egoism". В журнале выражаются мысли совершенно подобные тем, которые вы высказываете. Те же мысли высказываются и всеми борцами против угнетения не только народов, но и сословий. Все с особенным озлоблением относятся к учению о непротивлении злу насилем, как будто в этом учении заключается главное препятствие к освобождению людей. А между тем, как ни странно это покажется, освобождение людей, как поработенных народов, так и сословий, только в том самом, что так старательно и упорно отрицается и вами и моим знакомым индусом, да и всеми руководителями покоренных народов и угнетенных рабочих сословий. Мало того, что отрицается, оно вызывает самые недобрые, озлобленные чувства против тех, кто их предлагает, напоминая ту собаку, которая злобно кусает того, кто хочет отвязать ее.

Освобождение всех поработенных людей, сословий, народов, в том числе и поляков, никак не в том, чтобы бороться с ненавистными русским, австрийским правительствами и силою освободиться от них, а в совершенно противоположном: в том, чтобы, перестав видеть в поляках своих исключительных, любимых, угнетенных братьев, признать всех людей, как своих поляков, так и чуждых и враждебных русских, немцев, одинаково близкими, братьями, с которыми, кто они ни были, недопустимы никакие иные отношения, кроме любовных, исключающих возможность совершения какого бы то ни было насилия против кого бы то ни было. Освобождение в признание закона любви во всем его значение, т.е. в признании и неразрывно связанного с ним закона непротивления.

Знаю я, что мысль о том, что только противление злу насилем может спасти поработенных от порабощения, кажется людям нашего времени и мира до такой степени нелепой, неприложимой, что люди не дают себе труда и подумать о ней, а только, презрительно пожимая плечами, улыбаются при упоминании о таком непрактическом, фантастическом приеме борьбы со злом. Я знаю это и все-таки утверждаю, что освобождение не только поляков, но и всех людей от тех несправедливостей и страданий, на которые они теперь упорно жалуются, может совершиться только признанием людьми обязательности для себя закона любви, несовместимого с употреблением какого бы то ни было насилия против ближнего, т.е. *непротивления*.

"E pur si muove". "И все-таки вертится". Не думаю, что Галилей был более убежден в несомненности открытой им истины, чем убежден я, несмотря на всеобщее отрицание ее, в несомненности открытой не мной и не одним Христом, но всеми величайшими мудрецами мира истины о том, что зло побеждается не злом, а только добром.

Да, удивительное дело: единственное средство спасения от зла, от которого страдают все поработенные народы и сословия, не только упорно отвергается этими народами и сословия, но, напротив, народы и сословия эти напрягают все силы на совершение поступков, казалось бы, очевидно, не могущих иметь никаких других последствий, кроме усиления и ухудшения того порабощения, на которое жалуются.

В самом деле, не говоря уже о внутреннем религиозном значении закона любви, исполнение которого дает высшее благо как отдельному человеку, так и большему или меньшему соединению людей, исполняющих этот закон; не говоря и о том, что люди, исповедующие христианский закон любви к ближнему, т.е. ко всем ко всем людям, ненавидя целые те или другие народы, прямо отрекаются от